
ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ
К 100-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ

«Завершение или начало?»
Историческая философия Г. Шпета
как фундамент Института философии

© 2021 г. В.В. Сидорин^{1*}, А.В. Черняев^{2**}, Т.Г. Щедрина^{3***}

^{1,2} Институт философии РАН,
Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

³ Институт социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета (МПГУ), Москва, 119435, ул. Малая Пироговская, д. 1.

* E-mail: chernyaev@iph.ras.ru

** E-mail: vlavitsidorin@gmail.com

*** E-mail: tannirra@mail.ru

Поступила 14.03.2021

Одной из интереснейших страниц творческой биографии Густава Густавовича Шпета является руководство Институтом научной философии (1921–1923) – тема лишь обозначенная, но еще недостаточно исследованная сегодня. В статье предпринимается попытка охарактеризовать интеллектуальные и организационные усилия Г.Г. Шпета на посту директора Института научной философии (ИНФ) и продемонстрировать значение его деятельности для сохранения традиции русской философской культуры в первые годы советской власти. Актуальность его исторического опыта состоит в том, что он умело совмещал управленческие обязанности и научное руководство. Анализ этого опыта позволяет нам сегодня задуматься об эффективности современных управленческих стратегий, основанных на «продуктивной» идее «разделения интеллектуального труда» и зачастую отрывающих менеджмент от содержания научной деятельности в различных интеллектуальных и культурных институциях. Между тем руководящие функции в значительной степени влияют на развитие тематических приоритетов в науке, о чем и свидетельствует опыт директорства Шпета. Его деятельность на посту директора Института научной философии рассматривается в контексте социокультурной ситуации того времени, а также с учетом интеллектуального и экзистенциального наследия философа: его размышлений о самой сущности философского знания, об исторических судьбах отечественной интеллектуальной культуры; в частности, в контексте публикуемого ниже чернового конспекта доклада «Что такое философия?», прочитанного им на заседании возглавляемой институции 20 октября 1922 г.

Ключевые слова: Г.Г. Шпет, Институт научной философии (ИНФ), русская философия, историческая философия.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-9-60-67

Цитирование: Сидорин В.В., Черняев А.В., Щедрина Т.Г. «Завершение или начало?» Историческая философия Г. Шпета как фундамент Института философии // Вопросы философии. 2021. № 9. С. 60–67.

Completion or Beginning. G. Shpet's Historical Philosophy as the Foundation of the Institute of Philosophy

© 2021 Vladimir V. Sidorin^{1*}, Anatoliy V. Chernyaev^{2**}, Tatiana G. Shchedrina^{3***}

^{1,2} Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.

³ Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University (MPSU),
1, Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119435, Russian Federation.

* E-mail: vlavitsidorin@gmail.com

** E-mail: chernyaev@iph.ras.ru

*** E-mail: tannirra@mail.ru

Received 14.03.2021

One of the most interesting pages in the creative biography of G.G. Shpet is his leadership in the Institute of Scientific Philosophy (1921–1923) – the topic which is only indicated, but not yet sufficiently researched today. The article attempts to characterize the intellectual and organizational efforts of G.G. Shpet as director of the Institute of Scientific Philosophy and demonstrate the importance of his activities for preserving the tradition of Russian philosophical culture in the early years of Soviet power. The relevance of his historical experience lies in the fact that he skillfully combined managerial duties and scientific leadership. The analysis of this experience allows us today to ponder about the effectiveness of modern management strategies, which often separate management from the content of scientific activity in various intellectual and cultural institutions, guided by the productivity of the idea of “division of intellectual labor”. Meanwhile, leadership functions have significantly influence on the development of thematic priorities in science, as evidenced by the experience of Shpet's directorship. His activities as director of the Institute of Scientific Philosophy are considered in the context of the socio-cultural situation of that time, as well as taking into account the intellectual and existential heritage of the philosopher: his reflections on the very essence of philosophical knowledge, on the historical fate of domestic intellectual culture; in particular, in the context of the draft of the summary of the report “What is philosophy” published below, which he read at a meeting of the institution headed by him on October 20, 1922.

Keywords: G.G. Shpet, Institute of Scientific Philosophy, Russian Philosophy, Historical Philosophy.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-9-61-67

Citation: Sidorin, Vladimir V., Chernyaev, Anatoliy V., Shchedrina, Tatiana G. (2021) “*Completion or the Beginning.* G. Shpet's Historical Philosophy as the Foundation of the Institute of Philosophy”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2021), pp. 61–67.

История философии в России, несмотря на значительную исследовательскую работу, проделанную современными специалистами, все еще terra incognita. И свидетельство тому – значительный разброс мнений о ее характере, специфике, направлениях и интеллектуальных траекториях. Одним из таких спорных вопросов является дискуссия о ее целостности, в том числе и о преемственности дореволюционной философии

и советского периода. Мы полагаем, что данный текст поможет нам осознать, что основания русской философии (если смотреть реальные связи и отношения людей, работающих в ней) сохранялись на протяжении ее истории вопреки всему (с интеллектуальной культурой разделиться не так-то легко, она находит себе пути реализации, несмотря ни на что). Да, репрессии уничтожили и подавили целый слой культурного сознания в России, сменились тематические приоритеты под влиянием идеологии, но интеллектуалы хотя и приспособлялись к ней, тем не менее сохраняли смысловые импульсы, идущие от русской культуры, и продолжали философскую работу в ее конкретных методологических приложениях в гуманитарных областях знания (психологии, лингвистике, филологии). История создания и первых лет функционирования Института научной философии (см. об этом: [Коган 1995; Черняев 2010]) – яркий пример того, как интеллектуалы сохраняли историческую преемственность, несмотря на смену социальных запросов.

В первое десятилетие после революции в Советской России были начаты преобразования в сфере науки и высшей школы. Документы Наркомпроса РСФСР свидетельствуют, что, по крайней мере, в 1921 г. Г.Г. Шпет, вместе с Г.И. Челпановым и В.М. Экземплярским, принимал участие в работе НКП в качестве специалиста-консультанта (ГАРФ. Ф. А 2306. Оп. 1. Д. 600. Л. 21). Но еще за два года до этого Шпет активно критиковал проект реформирования гуманитарных областей знания в университетах. Об этом свидетельствуют обнаруженные в домашнем архиве Елены Владимировны Пастернак «Заметки о Проекте Устава Факультета Общественных Наук» [Шпет 2010, 301–304] (четыре страницы убористой скорописи, написанной простым карандашом). Долгое время было неясно, какой конкретный документ Шпет критикует. И только официальное письмо председателя ГУСа М.Н. Покровского, в котором Шпет приглашал к обсуждению проекта устава факультетов общественных наук (проект был предложен Марром и Жебелевым, как свидетельствует М.Н. Покровский в письме к Г.Г. Шпету), позволило уточнить смысл найденных черновых заметок. Их содержание весьма значимо, так как именно здесь Шпет формулирует ряд программных научно-организационных предложений, которые впоследствии будут реализовываться им на посту директора ИНФ. Прежде всего это принципиальный историзм научно-гуманитарных исследований, основанный на скрупулезной филологической работе [там же, 303–304]. Причем историзм этот в области философии отнюдь не сводится Шпетом только к историческим жизнеописаниям мыслителей или к линейному расположению идей на хронологической оси истории. Философские исследования, по его мнению, должны ориентироваться на проблемы современной действительности, вот только рассматривать их надо не как причину или следствие, но как конкретный смысл будущих событий. Фактически Шпету удалось сформулировать основные принципы гуманитаристики как фундаментальной науки: стремление к истине, расширяющей наше знание о мире, и точность (только точность здесь особого рода и связана она с поисками смысла, который всегда единствен¹).

Реформирование науки и образования в России – юношеская мечта Шпета (вспомним его увлечения анархистскими идеями о самоорганизации, участие в студенческих выступлениях и первое тюремное заключение 1899 г. (см. об этом: [Шедрина 2014, 403–406]). Он был готов терпеть голод и лишения первых революционных лет, так как воспринимал произошедший переворот как революцию духа, которая должна привести к росту культурно-исторического и гражданского сознания. Его активное участие в изменениях организации научной жизни в университетах 1920-х гг. объясняется прежде всего тем, что он искал пути выхода из кризиса, сложившегося в философии. С его точки зрения, современная философия характеризуется духом отрицания, потерей предметности исследования и своеобразного раздробления, заставляющих вспомнить времена иных исторических кризисов в развитии философского знания – софистики в Античности и схоластики в Средние века [Шпет 2014, 17–18]. Вероятно, именно активное участие Шпета в делах науки и образования, его искренняя убежденность в необходимости преодоления кризисного состояния университетского философского сообщества и в те возможности, которые может предоставить

новая – академическая – форма организации, и привели его к назначению на должность директора Института научной философии – до определенного момента в случае нужды в компетентном специалисте советская власть готова была закрывать глаза на отсутствие безусловной идеологической лояльности.

В качестве директора Шпет со свойственной ему энергией принялся за решение вполне конкретных вопросов – заполнение имеющихся вакансий научных сотрудников и организацию учебной деятельности со студентами факультета общественных наук Московского университета и младшими научными сотрудниками Института. Примечателен и весьма показателен в этом отношении тот факт, что из сохранившихся в Архиве РАН и Отделе рукописей РГБ отзывов на кандидатуры в сотрудники Института значительная их часть принадлежит самому Шпету. Директор Института собственноручно подготовил отзывы на научную деятельность четверых – больше, чем кто-либо – кандидатов – Н.Д. Виноградова, Н.И. Жинкина, З. Криворотовой, Б.П. Вышеславцева. В материалах Архива РАН сохранилось несколько протоколов совместных заседаний секции логики и теории познания и секции методологии наук – семь заседаний в октябре – ноябре 1922 г., каждое из которых было посвящено отчетному докладу кого-то из младших научных сотрудников (АРАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–7). Судя по протоколам, Шпет лично присутствовал на каждом из этих заседаний, несмотря на, надо полагать, немалую занятость в качестве руководителя Института, а также собственную интенсивную творческую деятельность. Философ находил время и для участия в заседаниях и историко-философской секции (АРАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–6).

В кадровой политике Шпет, очевидно, исходил из необходимости формирования корпуса научных сотрудников, которые могли бы обеспечить плюрализм научно-исследовательских подходов и междисциплинарный характер ведущихся исследований – отсюда привлечение к работе в Институте мыслителей совершенно различной теоретической ориентации, а также специалистов иных областей научного знания – биолога П.Н. Каптерева, математика Н.Н. Лузина, физика А.И. Бачинского, астронома В.А. Костицына (со многими из них Шпет был хорошо знаком по Московскому обществу для исследования и разработки истории наук [Щедрина 2020], а Бачинский был его другом детства). Следует отметить, что в кадровой политике Шпет проявлял изрядную настойчивость и, если этого требовала ситуация, принципиальность и готовность отстаивать свою точку зрения перед вышестоящими инстанциями. Характерны в этой связи случаи Б.П. Вышеславцева и В.Р. Эйгеса. Вопрос о привлечении первого в ряды действительных членов Института встал еще в сентябре 1921 г., и, судя по тому, что отзыв о его творческой деятельности был написан лично Шпетом, ему же принадлежала и инициатива. Несмотря на очевидное противодействие, которое встретила кандидатура Б.П. Вышеславцева где-то в вышестоящих инстанциях, Г.Г. Шпет почти на протяжении года не прекращал попыток ввести своего коллегу по Московскому университету в число научных сотрудников Института. А после того как за проваленного на выборах в старшие научные сотрудники В.Р. Эйгеса «заступились» в Народном комиссариате просвещения, обязав Институт принять его в штат, именно директору было поручено составить мотивированную записку в Государственный ученый совет и выступить с протестом в Президиуме Ассоциации Научных Институтов (АРАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 6. Л. 4).

Архивные материалы свидетельствуют, что при распределении учебной нагрузки по занятиям со студентами бывшего философского отделения Московского университета Шпету было поручено вести обязательный семинар «по проблеме действительности» и специальный – по истории русской философии (АРАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 2. Л. 5), а для занятий с младшими научными сотрудниками философ предложил тему «Проблема сознания» (АРАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 2. Л. 19). 1921/22 учебный год закончился для него приемом у студентов экзамена по эстетике и истории эстетических учений (АРАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 6. Л. 6). Легко заметить, что темы учебных занятий Шпета со студентами тесно переплетались с его собственными научными изысканиями этого же периода, он стремился вовлечь студентов в круг своих исследовательских интересов.

Энергичная деятельность Шпета по организации и управлению Институтом объясняется не только профессиональной добросовестностью мыслителя, но и его убежденностью в том, что создание этого научного учреждения открывает совершенно новый этап в развитии русской философской мысли. Протокол первого, организационного заседания Совета Института, в котором было кратко зафиксировано содержание в том числе и вступительной речи Г.Г. Шпета, свидетельствует, что философ отнюдь не формально принял собственное назначение, указывая на историческую роль открытия Института для судеб отечественной философии². Несколько позднее, после решения вопроса о заполнении штатных единиц научных сотрудников Института – 28 ноября 1921 г., – Совет Института наметил общую программу собственной научно-исследовательской деятельности, важнейшими направлениями которой стали ознакомление с западной философской литературой, издания философской классики, коллективных руководств, справочников, собственного периодического издания, активная просветительская работа – все это должно было изменить отечественное философское общество, придать ему более структурированный, целостный и профессиональный облик.

Предисловие к первой части «Очерка развития русской философии» (1922), диагностирующее крайне неудовлетворительное состояние организации отечественного философского пространства, не оставляет сомнений в том, что именно идеи Г.Г. Шпета и его организаторская энергия стояли за большинством этих инициатив: «И действительно, я должен сознаться, что все естественные, неизбежные и временные детали военно-революционного быта не могли так парализовать волю и так подавлять вдохновение, как исхонное отсутствие у нас общей организации научной работы – признак нашей величайшей некультурности! В публичных библиотеках элементарно нужных книг нет, условия пользования ими – самые неблагоприятные, справочники и каталоги поражают безграмотностью и хаотическим состоянием, издание и переиздание классических авторов и трудов – сплошь и рядом под редакцией самой беззаботной, безответственной и некомпетентной. Постоянно приходилось чувствовать себя в тупике: как добраться до нужного сведения, с чего даже начать? Самые тяжкие испытания и разочарования пришлось вынести при розысках иностранных книг, которые мне так необходимы были для установления “источников” отечественного философствования» [Шпет 2008, 39–40]. Подобная работа по организации научного пространства была для Шпета не только средством знакомства с наукой широких слоев публики, но и необходимым условием систематизации научного знания, основанной на изучении самой истории его развития (см.: [Шпет 2007]).

Отдельно стоит остановиться еще на одной из ключевых идей философа – необходимости терминологических изысканий: решение о создании соответствующей комиссии было принято 28 ноября 1921 г. (АРАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 2. Л. 16). О характере планируемой работы, представляющей собой один из вариантов «истории понятий», позволяет судить доклад В.Н. Ивановского, сделанный им 15 мая 1922 г. (см. об этом: [Щедрина 2012]) Как и многим другим планам Шпета, этой работе не дано было осуществиться – уже в марте 1923 г. от работы в Институте научной философии были отстранены все сотрудники, не разделявшие «генеральную линию».

Общая, коллективная тема научных сотрудников Института – «Что такое философия?», – намеченная на заседаниях от 5 декабря 1921 г., также была инициативой Шпета: поиск реального предмета философского исследования, подходы и методы, определяющие саму его специфику, оставался одной из ключевых задач философа на протяжении всей его творческой биографии. Еще в диссертации «История как проблема логики» основой современного философского сознания Шпет считал его отрицательный в своем существе характер, привативность (*privation* – (лат.) лишение, отрицание, отсутствие). Именно преимущественно негативный характер имеющегося философского знания и определяет кажущееся многообразие его содержания: «Внутренняя природа отрицания состоит в том, что неопределенность негативного дает ему возможность принимать бесконечное множество форм, носящих по внешности

характер утверждения: не-А, противостоящее А, может бесконечно варьировать свое содержание» [Шпет 2014, 19]. Именно из этой привативности, с точки зрения Шпета, и вытекает многообразная «специализация» философских направлений, каждое из которых – натурализм, биологизм, психологизм и пр. – абсолютизирует и гипертрофирует собственное «научное пристрастие», заменяет подлинное *содержание* философского исследования – познание действительности – всеобъемлющим вниманием к его *форме*. В этой связи примечательным выглядит выглядит плюралистический и междисциплинарный характер кадровой политики Института в «шпетовский период» его истории: продуктивное столкновение различных подходов, точек зрения, теоретических установок и методологических принципов способно привести к преодолению неизбежно присущей им односторонности.

Особенно ярко, хотя и в замаскированном виде, эта тенденция проявилась, с точки зрения Шпета, в кантианстве, в котором ориентация на идеал математического естествознания привела к тому, что философия из «теории познаваемого» окончательно превратилась в «теорию познания». Грядущая задача в этом смысле заключается в преодолении отрицательного духа философии и возвращении ей как подлинного содержания, так и истинной формы строгого знания, свободного от разного рода субъективизма и подчиненности практике и нравственности. В современности Шпет видит все признаки того, что философия может, наконец, и должна стать строгим знанием, освободившись от иных исторических форм существования. Немалую роль в этой трансформации должна сыграть отечественная философская культура, достигшая, наконец, требуемой степени зрелости: «Я, действительно, сторонник философии как знания, – писал философ в «Очерке развития русской философии», – а не как морали, не как проповеди, не как мировоззрения. Я полагаю, что философия как знание есть высшая историческая и диалектическая ступень философии, но этим не отрицаю, а, напротив, утверждаю наличность предварительной истории, в течение которой философия *становится* в знание. По моему убеждению, русская философия как раз к этой стадии развития начала подходить» [Шпет 2008, 40]. В этом контексте слова вступительной речи Шпета на организационном заседании Института научной философии об историческом значении его создания оказываются не просто приветственным адресом, а выражают глубокую убежденность мыслителя в том, что наступает качественно иной период в истории отечественной философии. «Записав» в «Очерке» предыдущую, во многом «предварительную» историю отечественной философской культуры, Шпет был готов творить эту историю дальше.

На чем основывались организационные стратегии Шпета? Думаем, что в их основании лежали его рассуждения о внутренних формах культурно-исторического сознания. На его глазах писатели сочиняли коллективные романы [Щедрина 2008, 187–188], результаты экспериментов с «коллективными» формами работы он мог наблюдать у своих детей в школе. Он отлично понимал значение общения для развития интеллектуальной культуры, выраженной в языке, но при этом искал такие способы конституирования коллективности, которые не сводились бы к обезличиванию человека: «Хитро не “собор со всеми” держать, а *себя* найти мимо собора... <...> само я *обобщению* не подлежит» [Шпет 2007, 310, 305].

В этом контексте выбранная Институтом коллективная тема исследований – «Что такое философия?» – выступала в качестве необходимого для дальнейшего развития философской культуры этапа ее самокритики и самоопределения. И глубоко символично, что именно Шпет, учитывая весь тот объем усилий, предпринимаемых им для организации деятельности Института и обоснования характера его научной работы, не только взял на себя наиболее общий доклад, название которого повторяло общеинститутскую тему, но и первый приступил к реализации запланированных исследовательских планов. Доклад, прочитанный Шпетом 20 октября 1922 г., стал одним из знаковых событий первого этапа истории Института³.

Примечания

¹ «Неустойчивость понятия “смысл” проистекает не только из нерешенного как следует до сих пор вопроса, что составляет значение слова и понятия, и из заменяющего это решение вульгарного мнения, будто “значение” слова есть “представление”, но в самой элементарной постановке вопроса просто из невыполненного требования по крайней мере условного различения “значения” и “смысла”. Чтобы облегчить читателю возможность следить за развитием моих мыслей, я предвзвешиваю, до более точного анализа, предлагаю иметь в виду следующее различие: *значение слова или понятия*, – ибо *понятие есть слово*, рассматриваемое в его логической функции, – есть та часть содержания соответствующего предмета, которую мы связываем со словом, пока рассматриваем его независимо от связи, в которой пользуемся словом (так, например, *значения иностранных слов мы находим в лексиконах соответствующих языков*); рассматривая *слова или понятия* в той связи, всегда, очевидно, единственной, в которой они конкретно нам даются, мы уже ищем их *смысл*» [Шпет 2005, 267].

² «Исходя в своем вступительном слове из положения, что университет прежней роли проводника научной мысли играть уже не может, проф. Шпет отметил, что открытие Института должно являться историческим актом для развития нашей философии» (АРАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 2. Л. 1).

³ См. Протокол 20-го заседания Совета Института научной философии от 20 октября 1922 г. (АРАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 6. Л. 11) и Протокол 21-го заседания Совета Института научной философии от 27 октября 1922 г. (АРАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 6. Л. 12).

Источники – Primary Sources in Russian

Шпет 2005 – Шпет Г.Г. Мысль и Слово. Избранные труды / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2005 (Shpet, Gustav G., *Thought and Word. Selected Works*, in Russian).

Шпет 2006 – Шпет Г.Г. *Philosophia Natalis*. Избранные психолого-педагогические труды / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2006. (Shpet, Gustav G., *Philosophia Natalis. Selected Psychological-pedagogical Works*, in Russian).

Шпет 2007 – Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2007 (Shpet, Gustav G., *The Art as a kind of knowledge. Selected works on the Philosophy of Culture*, in Russian).

Шпет 2008 – Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. I / Отв. ред.-сост., коммент., археограф. работа Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2008 (Shpet, Gustav G., *An Outline of the Development of Russian Philosophy I*, in Russian).

Шпет 2010 – Густав Шпет: философ в культуре. Документы и письма / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2010 (Shchedrina, Tatiana G., ed., comp., *Gustav Shpet: Philosopher in Culture. Documents and Letters*, in Russian).

Шпет 2014 – Шпет Г.Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Часть I / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.; Л.: Университетская книга, 2014 (Shpet, Gustav G., *History as a problem of logic. Critical and methodological research, Part I*, in Russian).

Ссылки – References in Russian

Коган 1995 – Коган Л.А. Непрочитанная страница (Г.Г. Шпет – директор Института научной философии) // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 95–117.

Черняев 2010 – Черняев А.В. Первый директор Института научной философии Г.Г. Шпет. Воспоминания дочери философа Т.Г. Максимовой // Философский журнал. 2010. № 1 (4). С. 137–147.

Щедрина 2008 – Щедрина Т.Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М.: РОССПЭН, 2008.

Щедрина 2012 – Щедрина Т.Г. Владимир Ивановский и Густав Шпет: методологический проект «истории понятий» // Вопросы философии. 2012. № 11. С. 10–18.

Щедрина 2014 – Хроника жизни и деятельности Г.Г. Шпета / Сост. Т.Г. Щедрина // Густав Густавович Шпет / Под ред. Т.Г. Щедриной. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 402–459.

Щедрина 2020 – Щедрина Т.Г. Гуманитарный статус научных объединений. К 100-летию Московского общества для изучения и разработки истории наук // Сообщества в науке и философии. Методологические ракурсы / Под ред. Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной. М.; СПб.; Белгород: Центр гуманитарных инициатив, 2020.

References

- Chernyaev, Anatoliy V. (2010) "The First Director of the Institute of Scientific Philosophy G.G. Shpet. Memories of the Daughter of the Philosopher T.G. Maximova", *Philosophical Journal*, Vol. 1, No. 4, pp. 137–147 (in Russian).
- Kogan, Leonid A. (1995) "Unread page (G.G. Shpet – Director of the Institute of Scientific Philosophy)", *Voprosy Filosofii*, Vol. 11, pp. 95–117 (in Russian).
- Shchedrina, Tatiana G. (2008) *The Archive of Epoch: Thematic Unity of Russian Philosophy*, Rossiyskaya politicheskaya encyclopedia, Moscow (in Russian).
- Shchedrina, Tatiana G. (2012) "Vladimir Ivanovsky and Gustav Shpet: a Methodological Project of History of Concepts", *Voprosy Filosofii*, Vol. 11, pp. 10–18 (in Russian).
- Shchedrina, Tatiana G. (2014) "Chronicle of the life and work of G.G. Shpet", Shchedrina, Tatiana G., ed., *Gustav Gustavovich Shpet*, Politicheskaya Encyclopedia, Moscow, pp. 402–459 (in Russian).
- Shchedrina, Tatiana G. (2020) "Humanitarian Status of Scientific Associations to the 100th Anniversary of the Moscow Society for the Study and Development of the History of Sciences", Pruzhinin, Boris I., Shchedrina, Tatiana G., eds., *Societies in Science and Philosophy. Methodological perspectives*, Centr gumanitarnykh initsiativ, Moscow, S.-Petersburg, Belgorod (in Russian).

Сведения об авторах

СИДОРИН Владимир Витальевич –
кандидат философских наук, научный сотрудник
Института философии РАН.

ЧЕРНЯЕВ Анатолий Владимирович –
кандидат философских наук, ведущий научный
сотрудник Института философии РАН.

ЩЕДРИНА Татьяна Геннадьевна –
доктор философских наук, профессор кафедры
философии Института социально-гуманитарного
образования МПГУ.

Author's Information

SIDORIN Vladimir V. –
CSc in Philosophy, research fellow,
Institute of Philosophy
of the Russian Academy of Sciences.

CHERNYAEV Anatoliy V. –
CSc in Philosophy, research fellow,
Institute of Philosophy
of the Russian Academy of Sciences.

SHCHEDRINA Tatiana G. –
DSc in Philosophy, Professor at Department
of Philosophy of Institute of Social Humanitarian
Education at MPSU.